

Путешествие по зазеркалью

Живёт в Новоульяновске Нинель Борисовна Гусева, уроженка Ленинграда. Ей было девять лет, а сестрёнке Ларисе – всего лишь четыре, когда они оказались в самом пекле войны, втянувшей детей в долгое, страшное странствие...

В 1969 году судьба забросила Нинель Борисовну в Ульяновскую область. Здесь она много лет проработала учителем в Новоульяновской школе.

Нинель и Лариса Гусевы

Что могли дети знать о войне?

Летом мать снимала комнату в Новом Петергофе. Сама она работала в Стрельне. Оставляла Нинель и Ларочку на попечение бабушки Кати, чужой женщины. Та их кормила, заботилась, а девочки играли, купались.

Двадцать первого июня к ним заехал брат матери Михаил Николаевич – офицер направлялся в очередной отпуск. Его приезд был радостным событием. На завтра запланировали поездку в Ленинград и долгожданную экскурсию в зоопарк. С вечера всё приготовили для прогулки: погладили платьица, бантики, у порога поставили начищенные туфельки... Утром позвонил встревоженный дядя Миша: «Девочки, извините, меня срочно вызывают. Чутькоку отложим экскурсию».

Потом было сообщение о начавшейся войне. На улицах собирались люди, слушали известия, отправляли на войну сыновей, мужей, отцов... С котомками куда-то ехали, плакали. Тревога охватила всех. Петергоф немцы не бомбили, ведь это был уникальный музей под открытым небом, с дворцами и фонтанами. Скоро они вошли в Петергоф. Мамы не было – она уехала на три дня рыть окопы от Ленинграда до Ораниенбаума: огромные рвы глубиной до 15 метров и шириной до 20 метров должны были задержать танки.

Нинель помнит, как немцы вошли в город: «Всю ночь мы находились в тёмном, сыром подвале под магазином. Немцы обстреливали Кронштадт, наши им отвечали. Новый Петергоф находился посередине. Артиллерийский обстрел продолжался до утра. Снаряды падали очень близко. Сыпалась штука-турка. Был страшный гул. Мы плакали в кромешной тьме. Помню пулемётчика,

который всё время стрелял в оконный проём. Утром рано появились немцы. Мы их очень боялись: на плакатах их изображали в образах различных зверей. Мы же увидели обыкновенных людей, но на головах у них были металлические шлемы. Они грубо стали выгонять всех. Били прикладами женщин, старух. Мы с сестрой впервые увидели мёртвого человека. Это был тот пулемётчик, что стрелял из окна».

Немцы согнали на площадь людей и потребовали, чтобы в течение 24 часов они освободили город, а если кто-то останется, тех расстреляют. Ещё было сказано, что город придётся покинуть всего на три дня, поэтому нужно взять только самое необходимое. Фашисты, видимо, рассчитывали за это время взять Кронштадт.

Девочки пришли на квартиру. Бабушки Кати не было. В спешке собрались. Были бы постарше, сообразили бы взять еду и одежду. В число «самого необходимого» Нинель включила книгу на дорогу (она закончила первый класс), а Лариса – тряпичную куклу. Они вышли в лёгких осенних пальтишках, ботиночках. В шапочках-капорах вышагивали, взявшись за руки, в середине длиннющей колонны...

Казалось, это вынужденное путешествие должно было сблизить людей, но у каждого была своя беда. Четырёхлетняя Лариса плакала, обвиняла сестру, зачем та увела её от матери. Нинель никак не могла объяснить, что город заняли немцы. Три дня переросли в недели... Девочки собирали по полям оставшиеся овощи: картофель, морковь, свёклу... Спали в подлесках, на полянках, грелись у костров.

Немцы требовали не останавливаться, а идти дальше. По обеим сторонам дороги – сожжённые деревни, посёлки,

над Ленинградом – огромное зарево... Кругом творилось что-то страшное. Силы были на исходе. У Ларисы ботиночки разбились. Ноги мокрые, переобуться не во что. Местность болотистая. Дальше появились леса, ещё не тронутые войной деревни. Дети заходили в дома, просили милостыню. Не все люди верили тому, что говорили сёстры, но были и такие, кто оставлял ночевать, кормил, делился последним.

Однажды уставшие девочки брели допоздна. На пути никаких деревень. И вдруг – землянка. Постучались. Горит лучина, на печи, на лавках, в углах полно ребятишек. Хозяйка вначале категорически отказалась принимать бродяжек, а потом, всплакнув от жалости, всё-таки позвала. Девочки рассказали ей о своих мытарствах. Женщина сварила им по картофелине в мундире. Больше у неё ничего не было. Утром дала кое-что из одежды. На улице уже начинались заморозки.

Милость людская

Голодные и замёрзшие, добрели они до деревни Хюльгюзи. Там жили эстонцы, чухны. Девочек отвели к старенькой бабушке на постой. Говорила она на плохом русском языке, но они поняли суть: «У меня болят ноги. Будете ходить в лес и приносить дрова».

Всю зиму с санками по глубокому снегу сёстры собирали сучья – на день кое-как хватало. Утром – та же работа. Старушка делилась с ними, чем могла: картофель и капуста – постоянные блюда. И это было лучшее время первого года войны. Уже в марте 1942 года прошёл слух: немцы будут проводить облавы и выявлять чужаков (всё чаще немцев тревожили партизаны). Староста предупредил девочек: их могут

принять за детей партизан, нужно скорее уходить. Бабушка собрала их в дорогу. Поделилась всем, чем могла...

Куда и зачем идут, Нинель и Лариса не понимали, знали только, что назад возврата нет. В потоке со взрослыми узнали, что Ленинград немцами не взят, Кронштадт упорно его обороняет. Так добрались до Гдова. Им посоветовали явиться в городскую комендатуру. Там их расспросили подробно: кто, откуда... Направили в барак. Вернее, это был большой сарай со сломанными перегородками, и в нём – полно беженцев. Приткнуться негде. Сестрёнкам определили уголок. Они стали собирать по окрестным деревням милостыню.

Внезапно у Ларисы начался сильный жар и пошла пятна по телу. Одна женщина высказала предположение: это тиф. Если немцы узнают, что кто-то здесь болен тифом, сожгут весь барак вместе с жителями. Нужно срочно уходить, но куда? Нашли пустой сарай. Набрали сена, соломы, тряпья. На дворе – апрель. В сарае – ни тепла, ни света, ни воды горячей. Но люди помогли: народными средствами вылечили малышку, приносили картошку, бульон, отвары. Нинель милостыню собирала по окрестным сёлам.

Недалеко от Чудского озера было укромное местечко с небольшой речкой. Через неё перекинута балка. Посторонним не пройти, а старожилы пробирались с помощью особой палки. Однажды Нинель забрела в это место. Села и заплакала от бессилия и голода: не принесёт она Лариске сегодня ничего. И вдруг – старичок. Помог ей перейти через речку. Добрейшие жители посёлка накормили вкусной ухой, дали рыбу (жареную, вяленую, варёную, солёную), картошку, капусту,

свёклу, лечебную травку для больной сестрёнки. Со всем этим богатством проводил её на другой берег парень-инвалид с одной рукой. Нинель дала специальную палку, показали укромное место, где можно её припрятать до следующего прихода.

Во время болезни Лариса ждала сестру с нетерпением. Схватит её руки, ищет, что же она принесла из съестного и спрашивает: «Ты поела?». А глаза такие огромные, просящие – до самого доньшка выворачивают душу. Иной раз Нинель за день ни крошки в рот не брала, но отвечала утвердительно: «Да, я кушала». У малышки сыпались волосы, она исхудала.

В Гдове открыли школу при церкви, и многие дети туда потянулись. В школе кормили горячими обедами, не очень богатыми, но каждый день. Ларису посадили вместе со старшей сестрой в один класс. В расписании были уроки пения, закона Божия. Перед уроками дежурный в зале читал молитву, слушали стоя. Были и уроки математики, русского языка, но мало, в основном – трудовое обучение. Оно носило практический характер. В заботах, в учёбе прошло лето. Осенью ходили в лес за ягодами: черникой, голубикой. А ещё грибы собирали.

Немецкое угощение

Однажды Нинель с группой ребят пошла в лес (Ларису в дальние походы она не брала). День оказался неудачным: ни грибов, ни ягод не набрали. Шли голодные, промокшие. Местность – болотистая. Когда подошли к станции, было уже жарко. Здесь жили немецкие железнодорожники. У них, видимо, только что закончился обед:

кто-то сидел на шпалах, кто-то прилёг, другие, беседуя, прохаживались. Запахи такие вкусные, манящие. Вышел повар с ведром и неожиданно поманил ребятишек пальцем: идите сюда. Дети переглянулись и решились подойти. Все запylённые, грязные. Немец поставил перед ними ведро с остатками пищи, собранными из тарелок. Видимо, вылить его хотел, но, увидев русских детей, надумал потешиться. Говорит: ешьте, вкусно. А как есть? Ни ложек, ни чашек. Показывает: руками набирайте и ешьте.

Немцы насторожились в ожидании, столпились в предвосхищении чего-то интересного. Дети окружили ведро и стали есть. Суп оказался густой, как каша. Чего только там нет: крупы разные, консервы, горох, картофель... Дети едят, а немцы ржут. Целое ведро грязными руками опростали перед хохочущей толпой – так есть хотели.

Повар сходил и принёс второе ведро, но дети уже наелись. Он предложил им содержимое ведра забрать с собой. А куда? Советует: можно в подолы. Нинель осенило: «Айн момент». Вспомнила: в канаве они видели гильзу от дальнобойного снаряда. Она такая высокая с толстым основанием. Металл весь покрылся зеленью. Вытащить её не смогла одна, позвала остальных попутчиков. Вытащили, из канавы налили воды: покрутили, покрутили, кое-как вымыли. Подтащили к ведру. Попросили воды чистой, руками повозили внутри, вылили воду. Немцы дивятся находчивости ребятишек, кричат: «Гут! Гут!». Фотографируют, хохочут.

Всё содержимое ведра поместилось. Но как тащить эту тяжеленную гильзу? Она же скользкая и зацепиться не за что. Мальчишка свой зипун предложил. Поставили на куртку и потащили осторожно под удивлённые возгласы немцев. Где-то через километр отдохнули. Кто-то даже предложил ещё раз поесть, но Нинель убедила: нельзя. Притащили к сараю, где жили они с Лариской. Каждый сбегал домой за ёмкостями: поделили на всех поровну. Наконец Нинель накормила и сестрёнку.

Лагерь

Из комендатуры дали команду явиться, взяв с собой самые необходимые вещи. Сообщили, повезут их в Псков. «К Ленинграду поближе будем», – распустила Нинель. Её, конечно, удивило, как мало беженцев откликнулось на требование немцев. Видимо, люди догадывались о чём-то. Кто-то срочно

Нинель и Лариса Гусевы (в центре) с мамой (справа) перед началом войны

покинул город. Из окрестных деревень пригнали насильно молодёжь. Всех погрузили в телячьи вагоны. Дали два ведра на весь вагон: одно – для туалета, другое – для воды. Перемешались все: деревенские, городские, молодые и пожилые, девочки и мальчики. Те, кто смог что-то взять, разместились на своих узелках и тряпках.

Трое или четверо суток никто обитателями вагонов не интересовался: что они едят, что пьют, как и куда ходят в туалет... Все двери закупорены. Смерд, духота. Сестрёнки совсем голодные. Обещанного хлеба не дали. А на улице ещё и холодная осень.

Привезли в Ригу (район железнодорожного депо) в лагерь, загороженный проволочным забором. Взрослых отделили и куда-то увезли, одна детвора осталась. Их особо не охраняли, но и убежать не советовали, грозили расправой. Кормили кое-как. Через дорогу был лагерь военнопленных. Их избивали, травили собаками на глазах детей. Иногда заключённые бросали им через забор какие-то фигурки, изделия – видимо, вспоминали своих ребятишек и хотели доставить радость маленьким узникам.

В лагере были сложены штабеля шпал. Иногда под вечер Нинель залезала на них и наблюдала закат солнца. Оно было какое-то особенное, зовущее, загадочное. Лагерь затихал, а она всё смотрела и думала о маме, о доме, Ленинграде... Рядом проходили немецкие эшелоны. Вагоны двигались медленно, из открытых дверей слышалась музыка. Как-то Нинель повернулась к ползущим вагонам лицом и увидела: на фоне света стоит немец с протянутой рукой и целится. Самого револьвера не успела разглядеть, но среагировала мгновенно – свалилась со шпального штабеля. Раздался выстрел. В неё он целился. Хотел попасть в живую мишень.

Однажды в лагерь привезли батюшку. Прошлись по баракам, отобрали человек двадцать. Попала в это число и Нинель. Выстроили и заявили: «Вы не крещены. У вас не православные имена». Повезли Майю, Октябрину, Сталину, Нинель (обратное – Ленин) в рижский собор крестить. Нинель быстро сообразила: нельзя расстаться с Лариской. Набралась смелости и выпалила: «У меня сестра некрещёная. Можно я её тоже позову?». И взяла Ларису с собой. Впервые разглядывали Ригу: город не был разбит – не то что российские города и селения...

Перед обрядом крещения детям дали возможность вымыться. Отрезали

волосы, бросили в купель. Так Нинель стала Неонилой. У Ларисы осталось её православное имя. Их покормили, даже хлеба немножко с собой дали.

Прибыли на немецкую землю

Шла осень сорок третьего года. Девочек долго расспрашивали о родителях, о местах проживания. Чего-то проверяли, к чему-то готовили. Стало понятно: их отправляют в Германию.

Привезли в порт, выгрузили перед большим торговым кораблём. Трюмы корабля сначала заполнили военнопленными, закрыли на запоры. На палубу поместили детей: в случае налёта авиации они должны были бегать и тряпочками цветными махать самолёткам – предупредить, что здесь везут детей и бомбить нельзя.

Наверху было холодно, дул сильный, влажный ветер. Тряпочками махать никому не пришлось – самолёты над ними почему-то не летали. Лишь однажды встревоженные немцы появились на палубе. Очень близко с кораблём плавала мина. Следили, чтобы она не соприкоснулась с бортом.

В каком-то порту их сначала в баню сводили, выдали одежду, девочкам – халаты. А ещё – колodки деревянные. И повезли по Германии. Многое удивило. Была поздняя осень, а на деревьях полно яблок. У нас в это время холодно, сыро, сильные ветра, голодно к тому же. А здесь одними яблоками постоянно сыт будешь. Не понимали ещё, что это всё не для них.

Везли их уже не в «телячьих вагонах», а в пассажирских. Хоть и тесно было, зато можно смотреть в окно, комментировать увиденное. Никаких признаков войны. Домики аккуратные, беленькие, крашенные. Дворы и палисадники ухоженные, кругом фруктовые деревья... У тех, кто затеял войну, она как будто и не начиналась.

Детей расселили в два больших барака с двухъярусными кроватями. Первым лагерь-фюрером был Франц, очень порядочный. Во время Первой мировой войны он был в плену в России. Говорил чуть-чуть по-польски, по-украински, по-русски. Дети его понимали. Когда говорил, в горле у него свистело. Говорили: это последствия какого-то давнего ранения. Пока Франц стоял во главе лагеря, детей никто не бил, никуда их не гоняли, хотя еды не хватало. Однажды он даже устроил им маленькое торжество, связанное или с победой на фронте, или с его каким-то юбилеем. Франц привёз

детям (говорили, что из своего дома) две корзины картошки в мундире. Стоят девочки в очереди. Лариска шепчет сестре: «Мне вон та бы досталась». Картофелины-то разные: какая побольше, какая поменьше. А просить нельзя. Достались не самые маленькие. Лариса говорит: «Давай поменяемся. У тебя больше». Нинель понюхала картофелину – как хорошо пахнет! Полизала. Младшая повторила (она всегда подражала старшей), но потом мигом съела свою картофелину и спросила: «У тебя немножечко не осталось? Хоть крошечку». Но Нинель уже засунула остаток в рот. Вот и весь «праздник». Больше и таких не будет...

Испытание адом

При Франце его помощники побаивались обижать детей, но «францевский» период был недолгим. То ли его куда-то перевели, то ли сняли... Пришёл другой. Он был очень жестокий, и подчинённые сразу озверели. Кормили плохо: одной баландой и только раз в сутки.

В лагерь загнали вагоны с кирпичами из какой-то горной породы и заставили их разгружать. Дети один за другим поднимались в вагон, брали по два-три кирпича. Когда идёшь обратно, трудно удержать равновесие, иногда кирпичи падали. Они были очень острые, о них резались руки.

Лариска всегда шла впереди сестры. Обычно она носила по одному кирпичу. Иной день – и по два, в зависимости от надсмотрщика. Однажды она уронила кирпич. Над ней поднялась рука с нагайкой, на её конце – проволока. Нинель нагнулась над сестрой, прикрыла – нагайка опустилась на спину старшей. Отметины от удара нагайки остались на всю жизнь.

Лариска частенько плакала ночью и просилась домой, но о матери уже не говорила. Ещё по пути в Гдов, когда малышка требовала вернуть её к маме, Нинель решила на обман. Однажды встретили женщину с детьми: один был с ней, а другой, замёрзший, лежал на санках. Нинель сказала сестрёнке: «Вот так и наша мама погибла».

Их первый лагерь сгорел. Временно детей перевезли в другой. Там было два маленьких непригодных барака. Когда-то здесь жили рабочие. К тому времени начались американские бомбёжки. Немцы рассчитывали, что, увидев маленьких пленников, американцы прекратят бомбить, но они продолжали летать...

Однажды объявили очередную тревогу. Надо было подниматься и идти в бункер, а Нинель никак не могла раскатать Лариску. Кое-как перевалила её с кровати на подстеленное одеяло и поволокла. Но они уже отстали от всех. И в это время фугасная бомба попала в бункер. Сестёр волной отбросило. Старшая ударилась головой о дерево и потеряла сознание. Очнулась от рёва Лариски. Пошатываясь, пошла на плач. Малышка лежала в яме со стеклом, вся изрезанная – её же с силой бросило туда. Её вытащили, убрали осколки, перебинтовали. А те, кто успели уйти в бомбоубежище, почти все погибли.

Детей перевезли в другой лагерь. Длинный барак: посередине стоит огромный стол, по обе стороны – лавки, двухъярусные нары, матрасы, набитые соломой, грубошёрстные одеяла. Наволочки у подушек и матрасов сделаны из бумажных материалов. Лариска плакала, ей было холодно. Сёстрам не разрешали спать вместе. Ночью сестра всё же спускалась к ней, не взирая на запреты, прижимала её к себе, согревала. Всю ночь Нинель находилась в состоянии напряжения, боясь быть замеченной в нарушении правил, а под утро вскакивала и залезала наверх.

Единственной пищей для маленьких узников была капуста кольраби. Она часто просто кишела червями. Другого ничего не давали. Ощущение голода было постоянное. А на территории лагеря росли маленькие деревца, газоны с травами, дети втихую рвали и жевали листочки. Подрывали корешки деревьев, кусали, сосали их. Деревья и травы гибли, а детей за это избивали.

Через дорогу, совсем рядом, жило гражданское немецкое население. Там стояли аккуратные домики, красовались сады. Маленькие узники завидовали играющим немецким детям. Они вглядывались в их лица и молили, чтобы у тех возникло желание что-нибудь им бросить. Хорошо бы половинка яблока угодила именно тебе. Специально провоцировали немецких детей: показывали язык, дразнили – те не выдерживали, хватили огрызки яблок и бросали в толпу. А узникам это кидание – радость. Конечно, лучше, если попадёт целое. Но откусанное или гнилое – тоже удача.

Однажды лагерь-фюрер распорядился, чтобы привели в порядок бараки. Детей в этот день на работу не послали. Чистили, мазали, красили. Даже в баню сводили. Война со вшами – обыденное явление. Вещи не стирали, а обжаривали. Нехорошие запахи сопровождали

их жизнь. Много насекомых погибало, но и оставалось предостаточно до новой жарки.

В этот раз особенно тщательно освещали и помещения, и узников. Ждали каких-то именитых гостей.

И вот открылись ворота, въехала необычная коляска с огромными колёсами. Там сидела дама в чёрной вуали, в чёрных перчатках. Ей помогли слезть. Выстроили маленьких узников, а она стала ходить по рядам, всматриваться в их лица. Некоторых отводили в сторону. Вдруг Нинель осенило: «Сейчас нас могут навсегда разделить с Лариской...». И она прошептала сестрёнке: «Сопли быстро распусти».

Молодая красивая дама даже не взглянула на этих девочек. Человек шесть-семь отобрала – ей нужны были новые работники для своего хозяйства. Немцы не напрасно готовили лагерь к приёму именитой дамы. Для них выгрузили шнапс, бекон, окорок. Детям же – ничего.

Однажды прилетели американские самолёты. С утра до вечера грохотало, земля гудела, солнца не было видно. В лагере рухнули ворота: ни немцев, ни полицеев вдруг не стало. Дети вспомнили: когда их давно завозили сюда, проезжали мост, а под мостом стояли открытые вагоны, гружённые яблоками, картошкой, даже, как им показало, чаем. Группа узников, в том числе и Нинель, решили попытать счастья.

Лагерь представлял собой «интернационал» малолетних узников. У каждой национальности – свой сектор, свои отличительные нашивки. У русских на синих тряпочках было написано «Ост», у украинцев – колосок пшеницы. И вот представители этого разношёрстного братства побежали... Кругом всё горело, взрывалось. Местного населения – ни души. А дети бегут навстречу

возможной гибели. Добежали до вагонов. Овощей и фруктов там не оказалось – сезон прошёл. Сорвали картонные пломбы на одном из вагонов, с трудом открыли двери. В коробках – маргарин, рожки, макароны. Нахватали и поволокли это богатство в свой лагерь. Все ноженки истёрли в деревянных колодах. Прибежали: ворота не поднимали. Значит, успели. Их никто не искал.

А что с принесённым делать? Варить негде. А как маргарин есть? Хлеба-то нет. Каждый подходил и по кусочку отламывал. Макароны, рожки сосали. Потом желудками долго мучились от добытого «изобилия».

В конце апреля 1945 года прошёл слух, что придут американцы. Среди лагерного «интернационала» начались «рассуждалки»-«размышлялки». Некоторые предлагали в случае бомбёжки спрятаться в бункер, другие пугали, что фашисты могут пустить туда газ.

Когда начались обстрелы, немцы побросали противотанковые миномёты и удрали. Кто-то сказал, что американцы пойдут вот с той стороны. Рядом была стена. И многонациональное братство облепило эту стену. Не понимали, что несколько автоматных очередей могло положить у стены всех детей.

Возвращение домой

В первый же день американцы накормили узников манной кашей на воде. Она была солёной. Чудо как вкусно! Потом получили по куску свинины. Такого блаженства от еды дети никогда не испытывали. Кормили их три раза в день. Оказывается, как хорошо быть сытыми!

Однажды привезли полную машину яств: сахар, конфеты – снаряд попал в немецкие склады. Из машины лопатой стали выгружать сладости на землю.

Нинель Борисовна Гусева отмечает 80-летие в кругу своей большой семьи

Дети хватали конфеты и сахар, но куда это положишь? И девочки задрали полы халатов – попы голые, а американцы смеются и фотографируют...

В душе Нинель надеялась, что их мать жива. Она не говорила никогда об этом Лариске. Но когда лагерь засыпал, выходила на улицу и думала, мечтала. Если тучи шли с востока, она с надеждой и необъяснимой радостью смотрела на них. Плакала и вспоминала маму. Может быть, эта туча прошла над ней, мимо Ленинграда, мимо Петергофа и теперь передаёт привет от мамы.

Шли месяцы... В их большой стране отпраздновали Победу. Узники о ней и не знали. Об этом с ними не говорили. Они жили в том же немецком лагере в постоянном ожидании. От американцев слышали, что ведутся переговоры. С кем и о чём? Им стали говорить: «Россия от вас отказалась, потому что вы её предали... Вам придётся жить в Германии. Кто пройдёт отбор, поедет в США».

Нинель вспомнила рассуждения какого-то немца: «Мы вас не сжигаем, потому что готовим в рабство. Пройдут годы, война забудется, а вы будете работать на нас». Со страхом думала: неужели мы навсегда останемся рабами?

Однажды около ворот лагеря остановилась машина. Вышел мужчина в форме – не такой, как у немцев и американцев. Нинель подошла к воротам. Что-то тёплое, светлое позвало её. И вдруг человек запел по-русски: «Пойте, пойте в юности, бейте в жизнь без промаха. Всё равно любимая отцветёт черемухой».

Она бросилась к нему: «Дяденька, вы русский?». Да, это были советские офицеры. Они приехали договариваться о возвращении маленьких русских узников на родину. Они пообещали детям, что через три дня за ними придут машины. Что тут было?! Слёзы радости, воспоминания, мечты, планы...

Путь домой был долгим и нелёгким.

Девочки вернулись в Ленинград в августе 1945 года. Их направили в Ораниенбаум, на работу в подсобном хозяйстве. В 1946 году их нашла мама. Она забрала детей в Кировскую область, затем они переехали в г. Кизил Пермской области. Ларочка после окончания института жила и работала в Калининграде, умерла в 1999 году. Нинель окончила пединститут в Перми, а в 1969 году перебралась с семьёй в Ульяновскую область, в г. Новоульяновск. Её 80-летие отметили большой семьёй: муж, дочь, внуки...

Валерий Кислинский